

НОСТАЛЬГИЯ

Откуда она берется? Откуда-то изнутри. А по-научному, в смысле болезни, как её определяли во времена составления словаря великорусского языка, корни этого понятия уходят в «Одиссею» Гомера, где вместе слились тоска по Родине и боль.

Вроде разобрались, что дело это для русской души, оторванной от родной земли, вполне даже нормальное. На личном примере могу со всей ответственностью заявить, что после того, как суета адаптации к новому месту пребывания заканчивается, так она, эта самая ностальгия, тут же и начинается. Особенно она накатывала по ночам, когда гудящий в натуге кондиционер едва удерживал в комнате температуру воздуха около 30 градусов, а в окутанном сновидениями сознании четко формировались картинки ночного заснеженного леса, ярких звезд северного полушария, ощущения тяжелого движения через сыпучий холодный снег, что доходит едва ли не до пояса, руки сжимались вокруг цевья охотничьей двустволки... И так едва ли не каждую ночь. А с утра яркое тропическое солнце загоняло температуру воздуха на улице за 40, а то и 45 градусов, и ночные видения и ощущения плавилась вместе с разжижающимися частицами головного мозга.

Но все это в далеком прошлом, хотя за прошедшие 25 лет мало что истерлось из памяти. Именно она возвращает меня в мир тех самых ярких ощущений. Может теперь это ностальгия наоборот? Но я же не оттуда! И все таки...

Зачем надевать на себя трикотажное белье перед тем, как заходить в воду с температурой градусов эдак 30 или 32, я понял не сразу. Сразу приходит ощущение полного комфорта и блаженства – плотная соленая вода океана держит на поверхности, не требуя особых усилий. Достаточно набранного в легкие воздуха, чтобы совершенно не заботиться о собственной плавучести. Трубку, через которую я дышал, погружая голову в океанскую прозрачную, словно хорошо промытая витрина воду, я нарастил куском оболочки от кабеля еще почти на полметра. Можно спокойно погрузиться наполовину – на поверхности останутся ноги в ластах и кончик трубки. Руки постепенно привыкают работать длинной пикой – основным средством добывания раковин рапанов. Здесь между собой мы называем из «развертки». Действительно, черноморские маленькие ракушки, привезенные мамой из Нового Афона когда-то в шестидесятых, - с кулачок размером, никак не могут сравниться с тяжелыми до полуметра в ширину местными экземплярами. Природа украсила внутреннюю поверхность этих

раковин переливами розового цвета. Край раковины выворачивается наружу. Чем больше раковина, тем больше этот отворот. На дне ближе к берегу попадают больше мертвых. Они лежат розовым «зеркалом» вниз и сразу невозможно определить, что это уже не материал для сувениров. Стоит поддеть кончиком пики край раковины, сразу понимаешь, что экземпляр уже «дохлый». Океан быстро расправляется с красотой – поверхность обрастает зеленью, края крошатся. Но если раковина живая, то прикосновение к ней порождает некую попытку к бегству. Моллюск втягивает «язык», с помощью которого он путешествует по дну, стараясь спрятаться. Мелкие раковины нас не интересуют, их можно набрать множество. Интересуют «трофейные», выражаясь языком охотников на крупную дичь. Все пойманное, то есть поднятое со дна, складываем в ящик из упаковочного пенопласта, который болтается за каждым из нас, привязанный к поясу с помощью не намокающего кембрика. Учитывая, что заход на эту, так называемую морскую рыбалку, продолжается достаточно долго, в ящиках лежат бутылки с пресной водой, банки с таблетками глюкозы или даже кусочками хлеба. То есть то, что под лучами тропического солнца не превратится в расплавленное месиво. Обычно в воду заходим около восьми часов утра. Дорога от дома до ближайшего места «рыбалки» достаточно продолжительная.

Утренние часы на берегу океана самые приятные – солнце медленно, но все же заметно для обычного глаза, начинает свой путь от горизонта вертикально вверх. Это у нас там, на севере, оно катится по дуге и делает это почти незаметно для глаза. А тут раскаленный диск, словно рывком освобождается от объятий ярко-синей воды, сбрасывая с себя зеленоватые и желтые отсветы. Восход и закат здесь сумасшедшей красоты. Найденных в шкафу акварельных красок не хватает, чтобы передать этот плавный переход одного цвета в другой.

Еще не жжет, но уже предупреждает – скоро будет очень жарко. Мы уходим от берега парами. Страховать друг друга обязательно. Ходим между мелководьем, где найти что-то – большая редкость и удача, и краем рифа, который удален от берега на 800 метров и более. Там у рифа – самая интенсивная океанская жизнь прибрежных вод. Там же самые опасные места. Едва ветер усилится, волны начнут болтать пловца из стороны в сторону. И не дай Бог оказаться слишком близко к рифу. Ободраться о риф или камни – это практически сразу обречь себя на немедленный и быстрый заплыв к берегу. Кровь из ссадин, попав в воду, мгновенно привлечет к себе все, что сочтет этот след признаком съедобного. А вокруг острова умные зоологи насчитали целых 33 вида акул, из которых только большая, но безобидная «песчанка», как ее тут называют, не видит в человеке своей законной добычи. Потому-то на нас обычное армейское трикотажное белье – от этих самых случайных ссадин. Но и еще кое-зачем, о чем чуть позже.

Бывалые делились своим опытом с новичками во время движения к точке захода в океан. Первым и самым опасным фактором океанской рыбалки называли медуз, а именно «португальские кораблики» - сифонофоры. Эти красивые с виду колонии различных простейших ловят себе пропитание из мелких рыбок и кальмаров с помощью ядовитых длинных нитей-щупалец. Крупная рыба, попав в них парализуется. Первое, что я услышал о них, был прецедент с моим знакомым по Закавказью. Попав ногами на длиннющие нити кораблика, он потерял способность двигать ногами, с трудом дышал – его мазнуло еще и по груди. Благодаря присутствию напарника, удалось его отбуксировать к берегу и отвезти к врачам. Неделю его отхаживали уколами местные медики. Эти смертельные кораблики подходят массово к берегам, когда вода становится холоднее – местной зимой, которая нам больше напоминает наше лето.

Другой страшилкой были барракуды. Никто мне не рассказал, как они выглядят, но едва из сине-зеленой бесконечности вдруг вывернулась рыбка похожая на щуку, я сразу понял, что это именно она. Вроде небольшая..., но торчащие из пасти зубки свидетельствовали со всей очевидностью, что к вегетарианцам она не относится, а веганов просто презирает. Визуальный контакт затягивался... И все же оценив соотношение массо-габаритных показателей моей тушки с собственными данными, барракуда отвернула в сторону и скрылась. Легкий шок прошел, и я продолжил копать кончиком своей пики бугорок на дне, который показался мне похожим на верхушку раковины. Неожиданный толчок в правую ласту вызвал судорогу, которая свела ногу до самого паха... Резко повернувшись и выставив пику, я увидел, что это всего лишь мой плотик, гонимый ветром и волнами догнал меня, пока я завис над одной точкой... Пришлось заняться ногой, чтобы восстановить ее работоспособность. Прежде, чем продолжить движение, я старательно огляделся. Вокруг никого. Ладно, поплыли дальше. Вода посветлела, это солнышко вышло из-за пробежавшего облачка и принялось помогать нам, сделав более понятными все выпуклости морского дна. Снова подо мной оказалось что-то достойное внимания. Очень похожее на достойную по размерам раковину. Тюк! Толчок пришелся непосредственно в пятую точку. Судорогой свело сразу обе ноги! Рывком перевернувшись, я убедился, что причиной паники был вновь мой же плотик. Пришлось выбрать камень, выступавший над морским дном достаточно, чтобы встать на него и размять ноги.

Рано или поздно приходилось смотреть по сторонам, когда двигаясь вдоль главного рифа, все мы постепенно приближались к тому месту, где в океан впадала река, несшая пресную воду. Там коралловые рифы не росли, и открывался выход в океан из-за барьера рифа. Можно было выйти за линию рифовых образований и увидеть сквозь маску, как резко уходит вниз в

синюю глубину океанское дно, где уже невозможно разглядеть что-либо, где различавшиеся в глубине тени свидетельствовали о размерах морских тварей, там живших. И куда очень не хотелось бы попасть. Нырять в ту сторону можно даже не пытаться. Слишком плотная океанская вода не давала шансов. Мгновенно сдавливала перепонки, и, вынырнув после такого «рекордного» занырявания, приходилось продуваться, а бывало, что и приходиться в себя от мгновенно включавшейся головной боли. Гораздо веселее было вернуться к коралловому рифу, где жизнь мельтешила во всем многоцветии и великолепии. Мелкие рыбки, кружившие хороводами вокруг камней, относились к нашим пикам с полным презрением, ибо они сами никакой ценности как трофей не представляли. Попасть в них было очень сложно, а результат мгновенно обнулялся. Практически все они были ядовитыми, и даже попав на пику, в котел не годились. Никто мне, правда, не сказал, как было определено, что есть их нельзя.

С этой точки все нырятьщики брали курс к берегу. Но до него еще предстояло проплыть около километра или чуть более. Однажды... Ох уж это однажды.

Обыденное дело – тропический ливень в летнее время. Он начинался обычно около часа дня и продолжался до трех. Огромное количество воды проливалось на землю, по мощным плитками дорожкам несся поток воды, доходивший порой до середины голени. На службу приходилось нести свои ботинки под плащ-накидкой, шлёпая по воде либо босыми ногами, либо «вьетнамками» надетыми на босые ноги. Брюки закатывали до колен. Этот ливень был вроде душа – вот его включили, вот его по часам выключили. И тут же вновь выглядывало солнце, и все вылитое на землю под его лучами начинало старательно испаряться, словно спохватившись, что упало совсем не туда, где должно быть, и, пытаясь как можно быстрее вернуться восвояси. К этому времени мы уже завершали свои рыболовные заплывы и возвращались на берег. Кроме того раза...

Огромная иссиня-черная туча заходила, чтобы выдать всю накопившуюся в ней воду, не вовремя и не оттуда, откуда обычно ее ожидали. Как правило, грозовой фронт подходил со стороны океана. Его было видно издалека, и все мы успевали вовремя убраться под тент нашего грузовика. До берега было еще метров 800, когда туча все же решила, что ей пора дать нам понюхать, что есть порох. Громыкнули первые разряды сверкающих молний, и небо рухнуло на нас всей накопившейся в туче водой. Сидя по горло в воде жаловаться на дождик, даже очень сильный, было бы глуповато, если бы не поднявшийся ветер, который погнал волну совсем не туда, куда бы нам хотелось. К этому времени мы с моим напарником и заодно начальником оказались именно в точке поворота, откуда предстояло двинуться к берегу. Но у океана на нас оказались совершенно иные виды.

Ветер и волны потащили нас в обратном направлении – к выходу в океан из-за рифа. Оказаться в океане в штормовую погоду очень не хотелось.

Мы взялись грести, что было сил ластами и руками, уложив наши пики на плотики, которые сами по себе оказались дополнительным средством для того, чтобы тормозить наше движение. Глядя сквозь стекло маски на то, как медленно относительно дна я продвигаюсь в нужную сторону, я понимал, что усилия тратятся напрасно. Встречные волны захлестывали через голову, и дышать приходилось ртом через зажатый в зубах загубник трубки. Да и трубка сама по себе тоже мешала. Попробовал пойти на спине, максимально подтянув к себе плотик – полегче, но не надолго. Плотик пришлось отпустить, чтобы подключить руки, иначе только ногами выгрести не удастся. Так, перебирая все способы движения вперед, мы медленно продвигались к берегу, тратя невероятные усилия на каждые десять, двадцать метров продвижения к цели. Наконец стало ясно, что надо передохнуть и отдышаться. Подтянув к себе плотик, я протолкнул его вперед и уцепился за его бортик. Надо признаться, что это уже была вторая рыбалка, куда я взял свой «авианосец», как обозвали его все мои товарищи. Он едва умещался под тентом грузовика, а «лыжи» из пенопласта, взятые из испорченного строительного блока, и служившие для дополнительной плавучести, и вовсе торчали над кабиной на полметра или более того.

Оказалось, бортик стоявшего на «лыжах» ящика прикрывает меня от захлестывающих волн и ветра. Держась за свой «авианосец» как за спасательный плот, я начал потихоньку подгрести ластами, и увидел сквозь маску, что медленно, но все же продвигаюсь к берегу. Отдыхавшему рядом напарнику я кивнул себе за спину – «пристраивайся!» И тут уже пришлось врубить все, еще не совсем израсходованные силы.

Мы выползли из воды на берег, не имея сил встать даже на колени. Полежав неизвестно сколько прямо в линии прибоя, куда волны докатывались, подталкивая наши плотики, мы смогли отползти от воды на песок, чтобы снять с себя трикотажные наши костюмы. Ветер, осушая их потоком воздуха, отбирал у нас тепло. Мы лязгали зубами от холода, хотя температура воздуха едва ли была ниже тридцати. Первое, что смог произнести мой напарник было: «Ты так работал ластами, что я думал впереди идет торпедный катер...» На что я пробормотал только: «Жить уж очень хотелось...».

Плавать в паре с Володей – сибиряком и здоровяком было надежно. Заходя в воду, я всегда приговаривал – если нас начнут кушать, то начнут с самого большого. Володя был внимателен и осторожен. Охотник на суше, он и в океане оставался охотником. Ковыряя пикой что-то на дне, что мне показалось любопытным, я ощутил толчок в плечо. Володя подал сигнал вовремя. Прямо перед моей маской, колыхаясь огромным плоским телом

проплывал скат... Таких больших я больше не встречал. Вот уже и сам скат кончился, но хвост, хвост... Этот самый хвост с острым шипом на конце, которым этот самый скатище сможет запросто пропороть мне все что угодно... Хвост упорно не заканчивался. Он становился тоньше, но все тянулся мимо моей маски. Ему было плевать на то, что дыхание у меня остановилось, и нет у меня уже сил, чтобы продуть трубку. Чертов хвост! Я начал подвсплывать, буквально задыхаясь... Едва последние сантиметры хвоста ушли из поля зрения маски, я выплюнул загубник и с хрипом вдохнул все, что мог вдохнуть легкими...

Время после полудня уже доставляло неудобство – штилевой океан добавлял солнечных лучей, которые и так обжигали наши лица вокруг масок. Мы с Володей уже были в полукилометре от берега... Из сине-зеленой массы воды между мной и напарником пронеслась огромная, как мне показалась барракуда. Таких больших я еще не встречал. По приезду мне рассказали, как четверным нашим рыбакам пришлось буквально шагом, вставая на концы ласт продвигаться к берегу, встав спинами внутрь каре и выставив наружу пики, при этом вокруг них вертелись сразу несколько крупных барракуд крайне недружелюбно настроенных. Вынырнув и увидев напарника, я просигналил ему – Володя откликнулся. «Большая? Куда пошла? В океан? А ладно!» И он снова, набрав воздуха, нырнул.

Чувство того, что за мной наблюдают, заставило оглянуться. Из толщи воды на меня надвигался малоприятный анфас этой хозяйки здешних мест. Оставалось вытянуть в ее сторону ноги в ластах, пику и вытащить из самодельных деревянных ножен весьма внушительных размеров тесак. Она отвернула в сторону и прошла справа. Застыла на удалении. Едва шевеля жабрами, показала весь свой арсенал пасти – зубы оттуда торчали премерзкие. Воспользовавшись тактической паузой, я рванул на всех парах в сторону берега. Барракуда отвернула в сторону и скрылась. Но буквально через четверть минуты их зелено-синей мглы на меня снова несся ее «восхитительный» овал. Снова выставил все что мог. Кто-то мне рассказывал, что барракуды атакуют сзади снизу, вцепляются, страшно подумать куда и ... Ладно никаких вариантов все равно нет – мой очередной рывок к берегу уже был в положении «на спине», чтобы это самое... не оказалось объектом атаки. Снова демонстрация превосходной маневренности и преобладания в личном вооружении со стороны барракуды. И снова мое бегство в сторону берега. А вот уже и первые «барханы» - песчаные барьеры, нанесенные прибоем. Глубина над ними не более чем по колено, но дальше снова существенно глубже. Я перелез через пару этих «барханов», надеясь, что преследование закончилось. Присел в воде, чтобы оглядеться. Но и сквозь взбаламученный со дна песок увидел вновь идущую в атаку торпеду – барракуда выставилась во весь свой рост совсем близко. Если бы хватило

смелости, можно было попробовать пикой... Какой там, скорее за очередной «бархан» - дальше яма, снова «бархан», который я пролетел, касаясь песка животом. Неужели не отстала. Вода уж по бедра! Нет, уже сверху, стоя в воде, вижу эту тушу. Метрах в четырех, может больше. Пячусь назад, держа ее в виду, тесаком и пикой делаю скорее успокаивающие себя жесты, чем угрожающие хищнице. Спотыкаюсь и падаю на спину в очередную яму между «барханами». Вскрываю и «бегу» спиной вперед в сторону берега, если мое движение в надетых на ноги ластах можно вообще назвать бегом. Шлепаюсь на песок уже совсем на берегу, сил нет, дыхания нет. Барракуды тоже нет. По берегу они не ходят.

Обычный, условно говоря, «вечерний» выезд к океану для нас и наших семей. После четырех солнце уже палит не так сильно. Надеваю ласты и маску, ради удовольствия от движения в теплой соленой воде, плыву ровным кролем, посматривая сквозь маску на дно под собой. Здесь на общегородском пляже Плайя дель Эсте на дне ничего особого не ожидается. Просто ровный песок, уходящий по мере удаления от берега в зеленоватую мглу. Но пока глубина еще не столь велика, что-то на дне различить можно. Нырять здесь уже не получится. Уши сдавит, продувайся – не продувайся, только головную боль наживешь. Какие-то кустики справа на дне. Взмах, плюх. Слева какое-то бревно на дне валяется. Взмах, плюх. Это вроде кораллы такие. Взмах, плюх. Эка! Бревно-то шевелится... До сознания медленно доходит, что бревно неживое, шевелится не может. Взмах, плюх. Но оно все таки двигается... Взмах, плюх... Инстинкт самосохранения оказался быстрее мыслительного процесса. Переворот выполнен в одно мгновение. До берега метров двести. Руки и ноги движутся на предельной скорости и максимальным усилием. Скорость движения все нарастает. Смотрю вниз через стекло маски, но загибаемая руками вода мешает рассмотреть, что подо мной... Кажется, я уже ближе к берегу... Руки и ноги работают в бешеном темпе. Дыхание – на автомате. Сознание мобилизовано. Еще быстрее... Внезапно руки ощутили песок. Со всего маха я налетаю животом на песок у самого берега. Хватаю ноздрями воздух, маску уже сбросил... Сажусь спиной к берегу, наблюдаю за водой. Не покажется ли среди невысоких волн чей-то плавник. Ничего не вижу. В воде никого кроме меня не было. Вечер. Местные уже не купаются. Наши уже накупались и пьют пиво. Надо отмыться от песка. Захожу неглубоко, всматриваясь в воду. Чувствую, как дрожат ноги и руки. Пора и мне пивка попить.

Нам подарили целый день на берегу океана. Место мы выбрали не слишком удачное. На Бланка Арена всегда ветрено. Не штормит, но воду несет между берегом и рифом. Вбаламученный песок не оставляет надежды на удачную охоту за ракушками. Мы это четыре семьи, которые впервые за всю историю работы здесь были оставлены сначала на полгода, а

затем еще на полгода. Тем самым срок командировки увеличился до трех лет. Мы уже трижды «барочники». Барочник – это категория семей, которым уходить на Родину следующим кораблем. Полгода они – старшие. Едва они погрузятся в автобус, увозящий их в порт, толпа провожающих и от всей души толкающих этот автобус, становится «барочниками». Мы – несколько обособленная группа. Мы побыли просто барочниками, проводили свой корабль, став «дважды барочниками», проводили следующий, став трижды барочниками, и перешли в некую никому непонятную категорию, которая многих удивляла. За какие такие заслуги этим четверым продлевали командировку дважды? Были те, кому командировку сокращали, отправляя домой ближайшим кораблем, а то вовсе выпроваживая за какие-то «подвиги» самолетом. А этим? А мы просто хорошо знали свое дело и работали, как умели. Но вот и наш столь длинный срок подходит к завершению. Поэтому безоговорочно выделен транспорт, чтобы мы это отметили пикником на берегу океана. Наши дети носятся по берегу. Никто уже не обращает внимания на то, сколько они просидят в воде. Настолько мы уже привыкли к климату. У нас еще почти целый ящик хорошего пива, но дети съели все припасы. Мой начальник берет ведро, берет в помощники моего старшего сына, свою дочь и отправляется ловить крабов. Из-за мутной воды никакая рыба нам сегодня на пику не попала. Ведро сваренных крабов пошло на ура. Их тут неисчислимое множество – бегающих по берегу, прячущихся под кочками и в корнях мангровых деревьев. Только вот панцири у них твердые и раскусить их, как раков или лангустов, невозможно. Дробим части крабов камнями. Едим то, что остается на камне. Скоро домой.

Очень жаркий день перевалил за полдень. Сегодня мне повезло. В коробе плотика уложены несколько крупных раковин-рапанов. Уже пора идти обратно, чтобы успеть к двум ведрам «ухи». Это здесь для нас эта дикая рыбная смесь – уха. Все зависит от удачи и меткости. На пику можно поймать лангуста – но это редкая удача. Можно подбить среди кораллов и камней морского окуня – в воде он ярко розовый, нарядный. Но на воздухе, да еще в жару, быстро тускнеет. Деликатесом является мурена. Она прячется в камнях и норах в рифах. Если подстеречь, то это подарок к столу. Голову и шкуру снимаешь, и вот он самый настоящий морской угорь. Методика приготовления этой самой океанской ухи проста. Все, что кем-то поймано, чистится и бросается в котел, где уже варится морковка, картошка, если она есть, а то и просто юкка, лавровый лист и перец дефицитом не являются. Рыбные консервы, взятые с собой, вываливаются туда же, хоть они бычки в томатном соусе, хоть сайра в масле, хоть шпроты или даже горбуша. Все получают одинаковый паек. Своим мужчинам жены выделяют на рыбалку немного, по такой жаре особенно не естся горячее, но восполнить затраченные силы надо, иначе крепкое местное пиво, выпитое по дороге домой, сыграет злую шутку. А без пива какая рыбалка? Хотя и помимо пива,

чтобы согреться, сразу после выхода из воды хорошо идет ром или ликер. Здесь они делаются крепкие – 40 или 43 градуса. А согреться надо. Даже очень теплая вода океана, даже через надетое трико забирает за пять – шесть часов непрерывного бултыхания в воде столько энергии, что при температуре воздуха на солнце выше 45, выйдя на берег, сразу стараемся снять с себя это самое трико, поскольку испаряющаяся с него вода отбирает еще больше тепла от тела, и все поголовно лязгают зубами от холода. Тем, у кого подкожного жира достаточно, выдерживают по пять – шесть часов. Худые выбирают на берег уже через два – три часа. Иначе будет переохлаждение.

В котле, точнее в простом ведре уже все кипит и булькает. Домой подбитую рыбу везти бесполезно – уже через час пути она начинает вонять. Сейчас поедим... Но первым делом надо запустить в организм крепкого алкоголя. Он не дойдет до мозга. Сразу все разлагается для восполнения затраченной тепловой энергии. Никто не хмелеет. Недавно прислали новую бочку спирта для обслуживания аппаратуры. Известный метод – вдохнуть, выпить, выдохнуть на плату и потереть ее сухой ваткой перестал забавлять. Какой-то умник, чтобы предотвратить уничтожение стратегического продукта, добавил в бочку то ли бензол, то ли толуол. Спирт вонял отвратительно, что в чистом, что в разведенном состоянии. Не помню, кто первый решился снять пробу. Спирт вставлял конкретно. Попытки отсоединить его от продукта с помощью «солдатской смекалки», как это делалось при добавлении в спирт бензина, результата не дали. Моя личная не симпатия к подобным жидкостям уберечься не помогла. В тот раз меня трясло от холода так сильно, что постороннего запаха я не заметил. Заметил только то, как этот самый «шестиугольник», как рисуют формулу этой заразы, встал у меня поперек горла. Пришлось проталкивать его с помощью рома, который точно выделявали из абсолютно натурального местного сырья – сахарного тростника. Большое облегчение принесло принятое позже пиво. Его здесь пьют в другом формате. «Маленькая» - картонный стакан емкостью почти 750 граммов. Соответственно «большая» - тоже картонка, но уже полуторалитровая. Но, все таки местный климат влияет на все и на метаболизм тоже. Выпитое просилось наружу естественным и привычным путем, не брезгуя испаряться через кожу в ускоренном темпе. Поэтому у тех, кто мог испарять через кожу много и быстро, внутрь заходили три больших – гранды за вечер. Почки работали как нефтеперегонные заводы в конце квартала, когда план производства был под угрозой.

Военные здесь в большом почете. Хотя все население живет по принципу милиционной армии. Все в любой момент готовы сорваться с рабочего места или из дома, подхватить рюкзак с самым необходимым, прибыть к складу, где хранится закрепленное за ними оружие и начать...

Любят они это дело – побегать с оружием, пострелять холостыми, где можно, помаршировать, красуясь идеально подогнанной формой. И ни разу не встретил тут солдата или офицера в неаккуратной, не наглаженной или не выстиранной форме. На мне такая же, как у них форма, но все равно, на них она сидит как-то щеголевато. Особо хороши мулатки в военной форме. Привычные в Латинской Америке выгнутые фуражки, словно пришитые, сидят на этих очаровательных головках. Может, они их шпильками крепят к прическе. Но мы отвлеклись. Fuerzas Armadas Revolucionarias de Cuba имеют свои дома отдыха на берегу океана. Хотя домом отдыха назвать бетонный сарай с холодильником внутри и кроватями едва ли можно. Готовить не на чем. За домом из камней сложен очаг, на который ставят кастрюли и чайники. Дрова валяются на берегу, их приносит прибой. Из подошедшего УАЗа бойцы революционных вооруженных сил выгрузили большую картонную коробку – это продукты нам на сегодня и завтра. У нас выходные в этом Доме отдыха. С моими навыками походной жизни приготовить еду на семью на открытом огне – забава. Моим сыновьям – забава таскать к очагу сухие деревяшки. Темнеет тут быстро. Едва солнце закатывается за горизонт, чернильно-черная ночь вступает в свои права. А выходные – это праздник. Недалеко от дома оказался дансинг для отдыхающих бойцов – революционеров. Музыка гремит оглушительно. Пауз между зажигательными мелодиями почти нет. Сила звука такая, что не только спать, даже думать о сне не удастся. Все стихает к часу ночи. Утром мы досыпаем в деревянных шезлонгах на берегу океана. Утренний бриз очень к этому располагает. Несколько раз приходилось ездить купаться в Эль-Саладо. Там пляж, опять же принадлежащий армии. Тут к берегу достаточно близко подходит глубокий каньон. Плавая по поверхности, в идеально прозрачной воде видны очень крупные экземпляры, попасть в них пикой не получится. Так глубоко с трубкой не нырнуть. Каньон уходит в океан. Оттуда по нему может приплыть кто угодно... Взгляд, который очень не хочется увидеть с близкого расстояния, удалось оценить в океанариуме. Из-за надежной преграды из толстого стекла меня рассматривала акула. Нехороший это был взгляд, оценивающий... Это почти по Стругацким. Было впечатление, что акула, приглядевшись, начала «цыкать зубом». А внутри, в отделенном от зрителей террариуме, точно таким же взглядом нас одарил лежавший на песке крокодил. Было впечатление, что вдруг у длинного корявого бревна появился глаз, который несколько раз моргнув, закрылся.

Экскурсия в Виньялес в карстовые пещеры завершилась общим купанием в пресной воде. Река впадала в океан, но прилив не заносил в лагуну соленую воду, потому и приятно было окунуться в чистую, прохладную, пресную воду, после которой не надо стряхивать с себя мелкую подсохшую на коже соль. Местные тоже наслаждались этой водой. Веселье несколько подпортила фраза одного из местных, неплохо говорившего по-

---

русски. «Последнего крокодила в этой реке убили полтора года назад...». Своеобразный такой юмор.

Наш корабль вышел из порта, я это почувствовал, домываясь под душем. Слегка закачался пол под ногами. После ночи погрузочных работ не хватило терпения дожидаться, пока отдадут швартовые концы, и мы пойдём к выходу из порта мимо торчащих со стен старинной крепости пушек. На палубе я оказался, когда очертания Гаваны уже скрывались вдалеке, а мимо проплывали пляжи и лагуны, заросшие мангровыми зарослями. Запасенные монеты, блеснув в воздухе, полетели за борт в бело-голубую волну, идущую от форштевня нашего корабля.

С интерприветом!

Владимир Галахов (В-77)